

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ОБОЗНАЧЕНИИ
СЛОЖНОГО НЕПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИЗНАКА В
АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И АРМЯНСКОМ
ЯЗЫКАХ

Наблюдения над номинационно-коммуникативной природой сложного прилагательного как обозначения непроецессуального признака в трех разных языках позволяют сделать некоторые выводы относительно их ономаσιологической сущности.

Традиционно-грамматическая трактовка прилагательного как части речи, "обозначающей признак предмета /1/ или его отношение к другому предмету", или как класса слов с "общим категориальным значением качества, свойства, признака" /2/, или, наконец, как обозначающий непроецессуальный признак /3/ справедлива в отношении всех трех интересующих нас языков.

Одинаковым оказывается и деление прилагательных, диктуемое дифференциацией их признаковой сущности (качество, отношение и т. д.) на качественные и относительные (а в русском языке и притяжательные)/4, с.143; 5, с.28; с.129; 6, с.287/.

Однако по поводу частеречной автономности прилагательного и его объема в этих языках нет однозначной трактовки.

Так, в армянском языке прилагательное выделяется в качестве самостоятельного класса слов на основе его синтаксической функции определения, хотя и некоторые арменисты считают, что, когда признак, выраженный прилагательным, относится не к предмету, а к признаку предмета, то оно выступает как наречие /5, с.129-130/. Другие полагают, что прилагательное может выступать и в обстоятельственной функции, не теряя своего статуса прилагательного / 10, с.71-72/.

И. И. Мещанинов полагал, что синтаксический признак не играет решающей роли, т. к. если "синтаксические показатели сохраняются за членом предложения и оформляют каждое слово, используемое в качестве определения, то имеются все основания для выделения определений как синтаксической категории, но нет достаточных оснований для выделения прилагательных как части речи" /11, с.263/.

Л. В. Щерба, высказываясь по поводу значения категории прилагательных в русском языке, подводит под эту категорию местоимения, все порядковые числительные, причастия и формы сравнительной степени /12, с.78/.

В концепции А. И. Смирницкого наречие и образующие их прилагательные по-видимому можно рассматривать как одну часть речи, выступающую в разных формах — адъективной перед существительным, и адвербиальной при глаголе /2, с.225/.

Он также ставит вопрос об отнесении причастий к прилагательным с суффиксом -able / -ible /2, с.245/, а Дж. Лайонз относит так называемые "нестативно-динамические" прилагательные к глаголу на основании сущности "глубинных категорий" прилагательного и глагола /13, с.343, 345/.

Как видим, существует явная неоднозначность в толковании прилагательного как части речи, а также его объема в указанных языках.

Однако, применяя в качестве универсальных признаков частей речи общий парадигматический и общий синтагматический признаки, предложенные Э. Р. Атаяном /14, с.31/, мы можем определять прилагательное как парадигматическое объединение лексических единиц, обозначающее непроцессуальный признак, который в синтагматике языка приписывается предмету, что имеет место во всех трех языках.

Сказанное о прилагательном вообще можно с полным правом отнести к сложным словам, в отношении которых можно

говорить об особой внутренней сложности ономаσιологической природы.

Таким образом, ономаσιологическую сущность сложных прилагательных (далее-СП) во всех рассматриваемых трех языках следует понимать как обозначение сложного непроцессуального признака (предмета). СП относятся к вторичной номинации, в результате которой объединяются, как правило, два первичных понятия и их внутренняя сущность проявляется в их мотивации двумя (и более) основами, а внешняя их цельнооформленность находит отражение в слитном или дефисном написании.

Структурное представление (презентация) английских, русских и армянских СП в виде моделей позволило установить среди них полностью совпадающие по входящим в них элементам тождественные модели, частично совпадающие и уникальные, встречающиеся только в данном языке. Число тождественных моделей составляет меньше одной трети от общего количества армянских моделей и, соответственно, еще меньше в русских и английских СП, зато сходных моделей значительно больше за счет того, что в тех случаях, когда при сопоставлении русских и армянских СП были выявлены три случая полного совпадения моделей со вторым компонентом — глаголом и еще 7 сходных моделей с глаголом в качестве второго компонента, то при сведении в единную таблицу данных сопоставления русско-армянских, армяно-английских и русско-английских СП, эти модели отпали, т.к. в английском и русском языках глагольные формы представлены в виде или причастия действительного залога или причастия страдательного залога. Так что, если в тождественных моделях армянским СП соответствуют такие русские СП, второй компонент которых также глагол, то в сходных моделях русские СП имеют вторым компонентом причастие действительного или страдательного залога.

К примеру, если русское СП "огнестрельный" оказывается тождественным по структуре армянскому СП

"ըրաժիւն" то СП "хлопкосеющий" и "умалишенный" оказываются лишь сходными с армянскими "բնիարարձ, Ընիւշազարդ" .

Из сказанного ясно, что широкое толкование структуры армянских СП объясняется, в первую очередь, многообразием неличных глагольных форм в армянском языке, недифференцированностью глагольных форм.

И поэтому между такими моделями как S+V в русском и армянском, а также английскими S+V_ ing , или S+V и S+V_en, строго говоря, тождества нет, а есть лишь сходство.

Вообще говоря, наблюдения над анализируемыми СП говорят о преобладании частично совпадающих моделей над тождественными, с одной стороны, и над уникальными, с другой стороны. Интересно отметить, что уникальные модели в каждом отдельном языке составляют лишь 6 и в русском и армянском языках (из расчета на 27 русских и 24 армянских моделей) и 9 моделей среди 28 английских моделей СП.

Вот некоторые из русских моделей:

S+V "железодельный"; V+S "пучеглазый"; Ptn+A "всесильный"; D+V "мимолетный"; Num_c +V_en "малоосязаемый"; в русском языке.

Из английских моделей — Ptn+S (all — union, all-Canada); A+V_en (soft-spoken, clean-shaven); Num_o + D (first-ever, second-up); D+S+_ed (largest-scaled, well-coated); A+D (good-ever).

А из армянских моделей это — V+V (տնիբրաւիւցիւն), D+S (ծշտարաւիւթ), Num_c +V (եղարարձան, քաղաքաւ) и др.

Приведенные выше количественные данные о соотношениях между тождественными, сходными и уникальными моделями убеждают нас в существовании структурного с х о д с т в а между этими языками в плане моделирования СП, в плане общей тенденции в н е ш н е г о о б о з н а ч е н и я сложного непроцессуального признака.

Внешнее структурное сходство касается и некоторых общих тенденций в формировании этих СП. Эта тенденция, в

первую очередь, проявляется в том, что в тождественных и частично совпадающих моделях преобладают те модели, где формирующая часть представлена прилагательным, суффиксоидом, причастием (в русском и английском языках), а в английском языке и суффицированным существительным. Однако, несмотря на примерно одинаковый состав элементов на месте формирующей части, указанные модели по-разному формируют эти модели:

Так, если в русском и армянском языках в моделях $A+S$, $(A+S) \rightarrow A$ второй элемент оформляется с помощью обычного суффикса прилагательного (хладнокровный, черноморский, ճղձափնյա, խութիմասիկ), то в английском существительное получает оформление в виде суффиксального причастия $-ed$ (dark-haired, tophatted). Это же явление суффицированного субстантивного прилагательного наблюдается и в уникальной для английского языка модели $D+S+_ed$ (largest-scaled).

Таким образом, прилагательное, причастие, суффиксоид и суффицированное существительное формируют СП как часть речи, т.е. являются его ономаσιологическим базисом в полностью или частично совпадающих моделях, что можно отнести к универсальным явлениям во всех трех языках.

Что касается участия других частей речи и прежде всего основных частей речи в качестве первого и второго компонентов, их суммарной валентности, то картина в каждом языке предстает несколько иная.

Если исходить из данных, полученных в ходе подсчета валентности основных частей речи*, а также условных частей речи, то в армянском и английском самым активным участником (как на месте II, так и I компонентов) оказывается существительное (ср. 33,33% и 28,57%), а в русских моделях-

* Относительная величина валентности выводится из общего количества участий данной части речи в качестве первого и второго компонентов в 28 английских, 24 армянских и 27 русских моделях.

прилагательное (общая валентность равна 27,788), что дает основание предполагать, что в истоках структуры обозначения сложного непроцессуального признака при помощи СП чаще всего обнаруживается обозначение простого непроцессуального признака при помощи прилагательного. Иначе говоря, ономасиологическая сущность СП предопределена их структурой, при этом ярким проявлением этой предопределенности семантики СП их структурой или моделью служат те случаи, когда на месте базиса стоит прилагательное.

Таким образом, суммарная валентность существительного в формировании моделей СП сближает армянские и английские модели и отличает их от русских моделей. Однако, если по каждому языку объединить так называемые "признаковые" слова (русские прилагательные, причастие и суффиксоид, армянские прилагательные, глагол и суффиксоид, в английском языке-причастия, суффиксоид и суффигированные существительные), то можно бы увидеть общую для всех трех языков тенденцию — более активное участие "признаковых" слов, чем других частей речи и при этом — их употребление в качестве ономасиологического базиса.

Ономасиологический же признак (т.е. их первый компонент) обычно выражен всеми прочими "участниками" формирования моделей СП, однако же и здесь наблюдаются расхождения в распределении их по разным языкам.

К примеру, среди русских и английских СП нет таких, которые на месте отсылочной части имели бы глагол; роль же глагола в качестве ономасиологического признака достаточно активна в армянских СП (около 8,3%) и делает эти модели уникальными.

Далее уникальными в плане моделирования ономасиологического признака можно считать русские СП, где названный признак представлен количественным числительным в соединении с формирующей частью- причастием или

прилагательным (Num_c+ V_ing, Num_c+ V_en, Num_c+ A), а также английские Num_o+D (first-ever), D+S (outcollege), D+S+ -ed (well- coated).

Наконец, во всех трех языках была выделена редупликативная модель, хотя и здесь особого внимания заслуживает своеобразие армянских редупликативных моделей, которые заключается, во-первых, в том, что в них повторяется не только прилагательное, но и существительное (S² (նվնվ-զնզն, խոխո-խոխո) и, во-вторых, в регулярном и продуктивном характере этих моделей в армянском языке.

В плане семантики в моделях СП одинаково для всех трех языков наглядно проявляются истоки номинации сложного непроцессуального признака - достаточно прямое название прилагательного, что выражается в том, что большинство моделей каждого из этих языков- номинационные, ономаσιологический базис которых непосредственно относит сложное слово к прилагательному.

Таких моделей в русском и английском- 18, а в армянском- 15, тогда как мотивационными оказались оставшиеся 9 русских и армянских и 10 английских моделей.

Универсальным и для всех данных языков можно также считать не просто корреляцию, но и полное совпадение номинационных моделей СП с эндоцентрическими, а мотивационных- с экзоцентрическими моделями.

Таким образом, к явлениям тождества следует отнести явное преобладание во всех трех языках таких моделей, по которым более целенаправленно (эндоцентрически) или с незначительными модификациями формируется смысловая структура СП, которая и составляет основу номинации.

Относительно синтаксической природы СП в каждом из данных языков, приходится констатировать определенные расхождения в плане образования СП на синтаксической основе, в плане соотносительности СП с синтаксическими

словосочетаниями. Это, во-первых, преобладание в русском и армянском языках синтаксических моделей, имеющих дефиницию в виде такого словосочетания, члены которого расположены аналогично элементам и их порядку следования в модели СП (в русских-17, в армянских-23, в английских же СП-превалируют асинтаксические модели). Но несмотря на определенное сходство русских и армянских моделей, можно подметить и некоторую специфику внутри синтаксических моделей того и другого языка- это то, что в армянском языке синтаксические и асинтаксические модели противопоставляются более четко и определенно, чем в русском языке. Так, если модель описана двумя и более значениями, то все они одинаково синтаксичны, например, как у моделей S+A, S+S, S+V, V+S, A+A, Pп+S, Pп+A и S². И при этом в армянском языке лишь одна асинтаксическая модель- Num_c+V и нет смешанных. В русском языке такой четкости не наблюдается, ибо у 4 моделей, описанных двумя и более значениями (S+A, S+S, A+A, A+V_ing), устанавливается синтаксико-асинтаксический, т.е. смешанный характер.

Наличие указанных различий позволяет сделать заключение о том, что в русском и армянском языках образование СП в основном протекает по линии дефиниционного словообразования, а в английском- аналогического и корреляционного (в терминах Е.С.Кубряковой) /15/, что объясняется различиями в строе этих языков и в частности свободным порядком в русском и армянском языках и несвободным строгим порядком слов в английском языке.

Сказанное, тем не менее, не исключает аналогического и корреляционного словообразования в русском и армянском языках, равно как и в английском имеет место и дефиниционное образование СП (например, у 11 моделей и у 1 промежуточной модели).

Наконец, сравним, как соотносятся типы способов словообразования СП в трех языках и их охват моделями СП в каждом из данных языков.

В целом, номенклатура этих типов совпадает, поскольку все 5 типов, принятых нами за исходные, включая и такой тип словообразования как повторы, существуют среди СП всех трех языков. Во-первых, это чистые сложения (или подлинные сложения, с опорным компонентом, равным самостоятельному слову

а) с сочинением (ср. шшшшшшшшшш, шшшшшшшшшш; red-blue, deaf-mute; физико-математический, афро-азиатский).

б) с подчинением (шшшшшшшшшш, шшшшшшшшшш; stone-built, snow-white, red-hot; душераздирающий, скороспелый, общеевропейский, двуспальный, всеильный, свежесвыбранный).

2. Сложения со связанным компонентом — суффиксоидом (ср. шшшшшшшшшш, шшшшшшшшшш и godlike, nation-wide; зигзагообразный, одновалентный, вулканогенный).

3. Сращения (агглютинативные сложения) (шшшшшшшшшш, шшшшшшшшшш, шшшшшшшшшш, whites-only, easy-to-learn; малодействующий, умалишенный, многообещающий, сиюминутный).

4. Суффиксально — сложные СП: шшшшшшшшшш, шшшшшшшшшш, шшшшшшшшшш; raincoated, blue-eyed, moon-faced; голубоглазый, четвероногий, центробежный, каменноугольный и т.д.

5. Тип-повторы (одинаковых или модифицированных компонентов): шшшшшшшшшш, pretty-ptretty, lovely-dovely, humdrum; шшшшшшшшшш; белый-белый, большой-пребольшой.

Совпадение типов словообразования, однако, не исключает и некоторых расхождений в охвате упомянутых типов конкретными моделями СП. Последние, как и ожидалось, по-разному группируются вокруг тех или иных моделей в каждом данном языке.

Так, если первому типу соответствуют модели армянских СП, такие как A+S, S+S, S+A, A+V, A+A, D+V, V+S, V+V, Num_c+S, D+S, D+A, Pm+V, Pm+A, то среди английских СП возможны и D+V_en (well-bred), Pm+V_ing, Pm+V_en(all-affecting, all-admired, а, скажем, русская модель S+A формирует не только этот тип словообразования, т.е. сложение ("паровыпускной"), но и другой — сращение ("азотфиксирующий"). В английском языке суффиксоидно-сложные группируются в основном вокруг моделей S+ S+ -ed, A+S+ -ed, D+n+ -ed, а суффиксоидные чаще всего охватывают одинаковые модели (это Num_c+ Sfd, S+Sfd).

Вообще, распределение моделей по типам способов словообразования обнаруживает больше случаев тождеств и сходств, чем различий.

Правда, существует одно, но принципиальное различие, а именно, русские и армянские СП в большинстве случаев образуются на базе о с н о в с л о ж е н и я, а английские СП — на базе с л о в о с л о ж е н и я.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что попарное сопоставление структуры и семантики русских СП последовательно с английскими и армянскими СП в равной степени показали неоднородный характер структурно-семантических соотношений внутри всех трех пар языков, а именно: три разные степени их соотношений — тождество, сходство и уникальность в номинации СП.

ЛИТЕРАТУРА

1. "Русский язык". Энциклопедия, изд. "Советская Энциклопедия", М., 1979.
2. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. Учпедгиз. М.-Л., 1957.
3. Русская грамматика, т. I, под ред. Н. Ю. Шведовой, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко. Изд. АН СССР. М., 1980.

4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Наука, 1972.

5. Абемян М.Х. Теория армянского языка. Изд. АН Арм. ССР. Ереван, 1965 (на арм. яз.).

6. Sweet H. A New English Grammar, pt I, Oxford, 1940.

7. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М.: Просвещение, 1965.

8. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике. в кн.: "Хрестоматия по истории русского языкознания". М.: Высшая школа, 1973.

9. Жирмунский В. М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении. Изв. АН СССР, ОЛЯ, вып.3. М., 1946.

10. Абрамян С.Г. Грамматика современного армянского языка. Ереван: Изд. Луйс, 1975.

11. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.

12. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность (сб. трудов). Л.: Наука, 1974.

13. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.

14. Атаян Э. Р. Части речи, их дифференциальные признаки и критерии классификации. в кн.: "Теоретические и практические вопросы преподавания иностранных языков. М.: Наука, 1970.

15. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений производного слова. М.: Наука, 1981.